

Виталий Протов

Северное сияние

«Институт соитологии (ИС)»

Протов В.

Северное сияние / В. Протов — «Институт соитологии (ИС)»,

ISBN 978-5-457-10933-9

© 2007, Институт соитологии

ISBN 978-5-457-10933-9

© Протов В.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Рассказ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виталий Протов

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Рассказ

Видит бог – он не рвался в эту командировку, в этот захудалый городишко, при звуках названия которого на совещании он так вздрогнул, что шеф вскинул брови и спросил:

– Ты что, Сергей?

– Да так, воспоминания. Работал там два года по распределению, – ответил Сергей и тут же понял, что по собственной глупости сам стал творцом своей злосчастной судьбы на ближайшее время. Правда, он еще даже не подозревал тогда, насколько злосчастной.

– Ну, тогда тебе и карты в руки, – сказал шеф.

Никому не дано знать судьбу. Лишь немногие смутно предчувствуют ее. Сергей всякую мистику отвергал с порога, и даже если бы ему было дано перенестись вперед и из будущего оценить то, что случилось с ним, то и тогда он бы сказал, что судьба тут ни при чем – стечение обстоятельств. Он был не склонен оперировать такими категориями, как судьба или провидение, – они хороши для литературы, но не для жизни.

И вот в результате случайного стечения обстоятельств он, Сергей Лебедев, технический директор регионального отделения крупной компании сотовой связи вынужден был собирать немудреный багаж командировочного и отправляться к черту на кулички, на север, в край, о котором и двадцать лет спустя у него сохранились далеко не лучшие воспоминания. И не потому, что он провел те два года в каких-то каторжных условиях. И не потому, что его пребывание там совсем уж было лишено некоторой молодой романтики. Нет. Просто этот город с самого начала был для него чужим, как была поначалу чужой для него и его профессия. Он, выпускник элитарной школы с английским уклоном, провалился на филфак Университета. Не очень сокрушаясь по этому поводу, год он проработал кем-то вроде мальчика на побегушках в книжном букинистическом магазине, куда его устроили по большому знакомству. К книжкам он с детства питал любовь, передавшуюся ему по наследству от отца, а потому год этот был не из худших в его жизни. Но иллюзии развеивались быстро. На следующий год он опять не прошел на филфак, а потому, спасаясь от армии, в срочном порядке стал поступать туда, куда конкурс был поменьше. В тот год таким институтом в Питере оказался Бонч, и Сергей поступил (правда и тут не обошлось без связей и знакомств) на факультет автоматической электросвязи. От армии он спасся, но всю жизнь потом жалел, что не реализовал свои филологические амбиции.

Много воды утекло с тех пор, и вот через двадцать лет после возвращения из этого северного городка ему предстояло отправиться туда уже в новой роли – одного из менеджеров преуспевающей компании. Его не очень радовала такая перспектива. Нужно было уезжать из дома, а он в последние два-три года стал домоседом. Не очень хотелось ему отрываться и от жены, с которой они, несмотря на более чем пятнадцатилетний супружеский стаж, все еще оставались любовниками, хотя и не такими страстными, как в первые годы. Без удовольствия думал он и о том, что придется ему расстаться и с тринадцатилетней дочкой, которую любил до безумия.

Сколько седых волос прибавилось у него, когда Наташка болела, и Нина (его жена) звонила по вечерам из больницы, где ей разрешили оставаться на ночь. Он тогда с ужасом снимал трубку – ждал худшего. До сего дня, слыша ночной звонок, он покрывался холодным потом.

Наташка расстроилась, узнав, что он уезжает. Он видел, что расстроилась, хотя, как подобает тринадцатилетней девчонке – принялась гримасничать и дурачиться. Девчонка, а туда же. Молодые предпочитают быть жестокими, а слезливость, эмоциональность почитается у них даже не слабостью, а каким-то отступничеством. Не хочешь быть белой вороной – не показывай своих эмоций.

– Ну ладно уж, – сказала она наконец, словно смирившись над ним. – Ты там давай заканчивай свои дурацкие дела побыстрее и возвращайся.

Он шлепнул ее, притянул к себе, поцеловал в лоб.

Нина смотрела на их нежности без улыбки, каким-то усталым взглядом.

– Ты чего, мать? – спросил Сергей без всякой вопросительной интонации.

Но Нина ответила:

– Совсем большая девка стала.

В самолете его укачало, и эти воспоминания последнего дня странным калейдоскопом проносились перед его глазами – какой-то невидимый механик докручивал пленку до конца, а потом снова ставил ее в аппарат, запускал сначала и так до бесконечности, пока тревожный сон не сморил его...

Ему приснилось, что он вышел из станции метро «Василеостровская» на Средний и здесь в толпе почти нос к носу столкнулся со своей любовницей еще студенческих лет. Странно, прошедшие годы совсем не изменили ее – она была такой же, как в те времена, когда между ними был страстный роман с ссорами, замирениями, ревностью и бурными объяснениями. Удивительно, что они продержались так долго – больше года не прекращались их отношения, а потом после очередной ссоры замирения не случилось. Вот и теперь она прошла мимо него и не заметила. А ему почему-то захотелось поговорить – не поговорить, хотя бы обменяться десятком слов – с ней. Он вернулся назад и снова вышел ей навстречу. Ей пришлось сделать шаг в сторону, и, обойдя его, она пошла дальше. Тогда он предпринял третью попытку. На сей раз ее взгляд остановился на нем, и по выражению ее лица он понял, что она его узнала – узнала с первого раза, но возобновлять знакомства не имеет ни малейшего желания. Чуть ли не омерзение читалось в ее глазах. «Чем же я ей так досадил?» – спросил сам у себя Сергей и проснулся.

Будь Сергей суевернее, он, наверное, тут же в аэропорту купил бы билеты на ближайший обратный рейс и улетел из этого северного городка навсегда. Но он с молоком матери (комсомолки пятидесятых, уехавшей, как тогда говорили, «по призыву партии», покорять целину и к счастью вовремя вернувшейся в родные пенаты) впитал отвращение ко всяким суевериям, а потому продолжил свой путь, хотя и должен был насторожиться и сказать себе: «Смотри, Серега, держи ушки на макушке».

Добираться до городка нужно было с пересадками. Сначала до областного центра, а потом еще часа полтора на каком-то крохотном самолетике местной авиакомпании, шумном и трясом, несколько раз провалившегося в тошнотворные безвоздушные ямы. Наконец самолет приземлился в по-прежнему захудалом местном аэропорту, и вскоре Сергей со своим немудреным багажом выходил из убогого здания. На тесной площадке-ватрушке перед ним грудились десятка два частных машин – Сергей подошел к ближайшей и, приоткрыв дверцу, сказал:

– До гостиницы довезете?

– Триста, – не моргнув глазом, ответил водитель. По голосу его было ясно: он прекрасно понимает, что цену заламывает по местным масштабам космическую и даже не рассчитывает заполучить клиента без торговли.

Однако Сергей распахнул дверь и плюхнулся на пассажирское сидение, сказав лишь:

– Надеюсь, не зеленых.

Водитель смерил его взглядом, видимо сожалея, что не назвал сумму побольше – клиент, судя по всему, был не из бедных.

– Вам в какую гостиницу? – спросил водитель.

– А что их теперь много? Раньше была одна.

– Теперь две, – ответил водитель. Он был не из приезжих. У местных здесь такой едва уловимый северный певучий говорок. Исчезающий с увеличением числа приезжих, оседавших здесь надолго, если не навсегда.

Гостиницы теперь было две. Вторую, как рассказал ему водитель, построили года три назад, когда поняли, что можно зарабатывать деньги на приезжающих сюда лыжниках. В предгорьях, начинавшихся сразу за чертой города, были склоны, которым вполне мог позавидовать какой-нибудь Инсбрук.

Не без интереса смотрел Сергей в окно неторопливо катящегося автомобиля – старенькой шестерки. Город изменился. От прежних бараков мало что осталось. На их месте стояли пятиэтажки серого кирпича. Кое-где даже торчали точки этажей по двенадцать. Лет двадцать пять назад почти все население городка ютилось в таких двухэтажных, постройки еще тридцатых годов бараках с удобствами на улице. И лишь городская элита обитала в хоромах, лепившихся к центральной площади. Все в тех же пятиэтажках, которые здесь казались дворцами.

– А какая из двух лучше? – спросил Сергей.

– Да уж ясно – новая, – ответил водитель.

– Ну и давайте в новую.

Новая гостиница оказалась в пятистах метрах от старой. Звезд с неба она тоже не хватала, но была, конечно, лучше старой. Нетиповой проект о шести этажах, просторный вестибюль, несколько прилавок, приткнувшихся по углам – с книгами, газетами, сникерсами и такими достижениями цивилизации, как шампунь «хед энд шоулдерс», туалетная бумага и даже – совсем вроде бы не к месту: зачем они горнолыжникам? – памперсами.

За конторкой, возвышавшейся над вестибюлем, сидела администраторша, обстреливая всех входящих и выходящих глазами, а потом снова склоняясь над своим столом, в углу которого громоздился монитор компьютера. Сергей предъявил ей паспорт, она занесла его данные в компьютер, потом, протягивая ему документ, вперила свой колючий взгляд прямо в него.

На вид ей было лет под пятьдесят, впрочем, север старит людей быстрее, так что, может, и меньше. Строгое неулыбчивое лицо женщины, которая в молодости могла быть привлекательной. Он попытался представить ее в молодости, но не смог. Есть такие лица – у них словно нет прошлого и не будет будущего: кажется, что они не меняются, что они и двадцать лет назад были такими, как сейчас, и через двадцать будут такими. От нее веяло чем-то настораживающим, отталкивающим – несколько надменные очертания губ, искривленных в брезгливой улыбке, холодные глаза. Она на всех так смотрит или только на него? Так выглядят функционерки, подвизавшиеся прежде на скромных должностях при райкомах и исполкомах, а теперь нашедшие себе разную (в зависимости от прежнего положения и нынешней хватки) теплоту местечки. Он назвал ее про себя мегерой, хотя и не мог понять, чем уж она вызвала у него такое ожесточение.

Он поднялся в свой номер на третий этаж, потом спустился вниз – перекусить в столовке, над дверями которой объемными буквами было начертано «ресторан». Уминая средних достоинств бифштекс с картошкой фри, он вспоминал фирменное блюдо в местной центральной столовой двадцатилетней давности: кусок поджаренной вареной колбасы с вареной картошкой, щедро политый томатным соусом. Прогресс был налицо.

Он взглянул на часы – время перевалило за шесть, все присутственные места уже закрыты, так что его работа начнется завтра. А сегодня он прогуляется и уляжется спать пораньше.

Прогулка по центральной улице (бывшему проспекту Ленина) быстро утомила его. К тому же августовскими вечерами ветер здесь пробирал до костей. Он погорячился, не взяв с собой куртки. Видимо, придется купить, сказал он себе, ускоряя шаг. Все тот же серый кирпич повсюду. Лишь на окраине особняки (он видел их, когда ехал из аэропорта) местных нуворишей в красном, как это принято, кирпиче. Он и сам мог бы причислить себя к нуворишам средней руки, но дом в ближайшем пригороде Петербурга построил довольно скромный – дерево. Не хотел быть похожим на этих толстосумов, у которых не хватало воображения даже на сумасшедшие деньги построить что-нибудь, способное привлечь взгляд.

Он вернулся в гостиницу в начале восьмого и с бутылкой пива уселся перед телевизором. Через полчаса его стал морить сон, и он, не выключая телевизора, перебрался на кровать, на которой благополучно проспал до утра. Сновидения на сей раз не посещали его, никакие предзнаменования, в которые он все равно не верил, не тревожили. Он проснулся утром свежим и полным сил – хоть какие-то достоинства у северного воздуха все же были.

Первый его визит – к директору местной АТС – был запланирован на утро. И у него были все основания полагать, что его примут, хотя он и явился без звонка, без предупреждения.

Секретарша поначалу пыталась было отфутболить его, но он был настойчив, вручил ей свою визитку и попросил передать шефу, укрывающемуся от навязчивых посетителей за тяжелыми и двойными дубовыми дверями, оставшихся с тех еще времен. Секретарша исчезла, через минуту появилась, пожимая плечами – я, мол, сделала, что вы меня вынудили, а там, как бог пошлет, то есть как начальство решит. Сергей смерил секретаршу взглядом гурмана-знатока – девица лет двадцати пяти, стройная, плоскогрудая, как и большинство северянок, но не без привлекательности. Интересно, спит с ней Витька или нет – ведь бабником в свое время был отчаянным. Витька – Виктор Федорович – появился в дверях еще через полминуты.

– Мать моя, неужели ты? – Он подошел к Сергею, протянул руку. Они похлопали друг друга по плечам – знак мужского расположения. – А я читаю твою визитку и ничего не понимаю. Какой такой Сергей? Какой такой Лебедев? Ё-моё, глазам не верю – двадцать? Сколько лет прошло?

Витька мало изменился – Сергей узнал бы его, встретив случайно на улице. Хотя, конечно, двадцать прошедших лет оставили на нем следы: он заматерел, нарастил жирок в талии, щеки стали, как у хомячка, несущего зерно в норку. Секретарша деликатно изображала отсутствие, делая вид, что внимательно изучает какую-то бумагу.

Они с Витькой были тогда корешами. Молодые инженеры – Витька чуть постарше, приехали по распределению на Север. Витька был родом откуда-то с Украины, да вот не вернулся на родину, осел на севере, а теперь, считай, за границей. О том, что его прежний дружок начальствует здесь, Сергей узнал еще в Питере. Узнал и обрадовался. И не только потому, что это значительно облегчало решение стоявших перед ним задач. Им было что вспомнить. Оба тогда холостые и неумные, они здесь поначалу котирировались у местных невест, которые, впрочем, скоро разобрались: на этих, пока не перебесятся, пока свое не возьмут, рассчитывать не приходится. Но многие из этих самых невест и без особых расчетов были готовы дать то, что от них требовалось, даже не получая никаких авансов. И Витька, и Сергей брали, пользовались вовсю. Лишь раз у Сергея случилась заминка. Скоротечная любовь растянулась месяца на три. Было это уже, наверно, за полгода до окончания его северного срока, и он ждал – никак не мог дожидаться, когда скинет эту гору с плеч.

Ее укоризненные взгляды, визиты к нему в общежитие, мучительные разговоры. Как же ее звали? Забыл. Забыл. У него даже сердце заныло от тех воспоминаний.

Они стали вспоминать свои выходки. Витька улыбался тем молодецким шалостям с высоты своих сорока с гаком лет.

– Но я, как ты понимаешь, не только воспоминаниям с тобой приехал предаваться. Хотя и это дело тоже нужное и для организма приятное. У меня к тебе предложение. Деловое. Мы открываем у вас филиал нашей компании. Хотим осчастливить северян мобильной связью. Сам знаешь, сколько тут всяких согласований да бумаг потребуется. А ты, насколько я понимаю, вхож во все двери. Помоги – и мы тебя не забудем. И не обидим.

Последовала короткая пауза. Витька смотрел на него, прищурившись, словно оценивая, сколько он стоит.

– Я тебе не взятку предлагаю, а оплату услуг. – Сказал Сергей. Потом добавил: – И при этом понимаю, что услуги твои стоят немало.

«Что поделаешь, друзья, вполне обходившиеся друг без друга двадцать лет, наверно, не самые закадычные и услуги друг другу на халяву оказывать не будут. В особенности дорогостоящие услуги», – подумал про себя Сергей, видя, что приятель его молодости никак не может решиться.

Наконец Витька сказал:

– Нет проблем. Все твои дела решим. Давно нам пора иметь сотовую. Вопрос только вот в чем. Эти ваши дела не должны пойти в ущерб нашей фирме.

Сергей с облегчением вздохнул. До крутого виража в жизни Сергея оставалось еще два дня.

Они расположились не в гостиничном ресторане, а в уютном, маленьком – полуподпольном каком-то, обосновавшемся без всякой вывески на первом этаже жилого дома вблизи центральной площади. Дела они решили довольно быстро. Запросы Витьки были довольно скромными по питерским меркам. Может, по здешним, северным, кто-нибудь и сказал бы ему: «Ну, ты, парень губу раскатал», но Сергей торговаться не стал.

Настроившись с утра на ностальгическую волну, они не потеряли этого душевного расположения до вечера и, едва покончив с деловой частью, отправились в прошлое, где снова были хоть на час-другой молоды и беспечны. Впрочем, какой-то лихой беспечности было им и теперь не занимать – видимо это было написано на их лицах, потому что компания из двух скучающих девиц попыталась было усесться за их столик с игривой фразочкой: «Мужчины, прокатиться не хотите?» Они вежливо отказались от поездки, хотя девицы были вполне – видимо на севере спрос на их услуги не так высок, как в столицах, а потому они, несмотря на свои лет 25–27, еще не успели поистаскаться.

– Я смотрю, вы тут от нас, грешных, пытаетесь не отставать.

– Да уж стараемся, как можем. У нас и криминал свой, и коррупция своя да и девочки по вызову в любую из двух гостиниц. Только позови. – Витька улыбнулся. – Хотя, куда нам до вас! Был я тут в Москве в прошлом году – дым коромыслом.

Часов в одиннадцать после изрядных возлияний Витька запросился домой.

– Жене обещал, что не поздно приду, – извиняющимся тоном сказал он. И это Витька, когда-то записной гуляка, которому одна мысль о каком бы то ни было хомуте была хуже омота. А теперь, гляди ты: жене обещал. Ну да он и сам порастерял бывшее шалопайство. Он рассказал Витьке, что за все эти годы жене изменял полтора раза. Почему полтора? Потому что о первом она так никогда и не узнала, так что его можно считать неполноценным, половинным. Но зато второй... Наташки тогда еще не было, он позволил себе невинную шалость с молоденькой девицей, еще вчера старшекурсницей – устроилась в их отдел, видимо задницей взяла за сердце кого-то из начальства. Заодно и Сергея прихватила. Быстротечный

вышел у них романец – какой-то доброхот позвонил Сергею домой и, не представившись, предложил его жене спросить у Сергея, где тот задерживается последние дни допоздна. И еще кое-чего добавил, чтобы сомнений не осталось.

Он до сих пор с содроганием вспоминал те дни. Они чуть было не разошлись. Но потом он как-то замолил грехи. Поклялся быть верным мужем, хранить тепло домашнего очага и еще чего-то. Был тише воды, ниже травы – ни дать, ни взять провинившийся школьник. Он рассказал Витьке эту историю. Услышал от него похожую. Вместе посмеялись, поглядывая на девиц, усевшихся за соседний столик, где они попивали красное вино из высоких бокалов, выставляли напоказ длинные ноги и курили не менее длинные сигареты. «Судя по всему, сегодня они клиентов не дождутся», – подумал Сергей, и в это время в тихий ресторанчик ввалилась шумная компания – трое приземистых ребяташек, коротко стриженных, уверенных в себе. Девыцы сразу же сделали стойку – задрали чуть повыше и без того короткие юбки, а ребята уселись за столик в углу и, посоветовавшись о чем-то, махнули девицам – давай к нам. Тех долго упрашивать не пришлось.

Вот тогда-то Витька и запросился домой. Видимо, почувствовал, что этот праздник уже не для него.

Через десять минут Сергей был у себя в гостинице. Проходя по вестибюлю, он почувствовал на себе колючий взгляд администраторши и подумал: «Она что тут – и ночами сидит?» Его немного качнуло, и ему показалось, что тетка ухмыльнулась ледяной улыбкой. Так пиковая дама улыбалась Герману после роковой ставки.

На следующий день к вечеру, поняв, что его ждет еще неделя, а то и больше командировочной жизни, Сергей отправился в библиотеку, которая помещалась все в том же бревенчатом домишке, что и двадцать лет назад. Провинциальные библиотеки в те ныне далекие советские времена поражали своим разнообразием. Какой-нибудь питерский или московский книжник, попав в библиотеку или заштатный книжный магазинчик на окраине провинциального городка, испытывал такой же шок, как советский турист, оказавшийся в американском супермаркете. Сергей долго в нерешительности ходил между полками – никак не мог понять, что больше подходит для его целей: убить время, которого девать здесь ему было некуда. В конечном счете, он остановил свой выбор на объемистом томе Сименона «А все-таки орешник зеленеет» да еще прихватил тонюсенькую книжонку, называвшуюся «Ното Фабер». Последнюю он выбрал потому, что когда то его поразила пьеса «Дон Жуан, или любовь к геометрии» этого швейцарца – Макса Фриша. Оставив в залог пятьсот (ну и нравы разбойничьи царят теперь в провинциальных библиотеках; ему даже показалось, что молоденькая библиотечарша предпочла бы, чтобы он замотал эти книги) рублей, Сергей отправился в свой номер. Однако книги он пока отложил, а снова уселся перед телевизором – этим лучшим убийцей времени.

Так прошел вечер. Утром он – на сей раз без похмельного синдрома – отправился по делам и умудрился выполнить свою дневную программу довольно быстро. До настоящего окончания дел, было еще, конечно, далеко, но провинциальная бюрократия устроилась так, что принимала посетителей лишь в первой половине дня, а потом становилась неуловимой даже на малом пространстве этого городка. «Мобильной связи на вас нет!» – бормотал Сергей перед очередной закрытой дверью. Деваться было некуда, и он часа в два снова оказался в своем номере, благо дальше километра от него и не удалялся и передвигался только на своих двоих. «Ни к чему им тут сотовая. Только деньги зря потратим», – сетовал он.

В номере он, конечно, почти немедленно принял горизонтальное положение, хотя и с книжкой в руке. Но, одолев две-три страницы, полез зачем-то в конец, потом неизвестно почему принялся читать с середины.

Это была ночь лунного затмения (13/V) – оно поразило меня неожиданностью... Я объяснил Сабет, почему Луна, полностью покрытая земной тенью, все же четко виднеется на темном небе (тогда как в новолуние диск не виден) и кажется даже объемней, чем обычно. Не сияющий шар, как всегда, а словно шар, словно мяч, словно угасшее светило, словно огромный оранжевый сгусток остывающей магмы в глубинах вселенной. Не помню, что я говорил в тот час. Сабет тогда впервые поняла (это я помню), что я всерьез принимаю то, что происходит между нами, и поцеловала меня, как никогда прежде. Однако затмение было, пожалуй, тягостным зрелищем – огромный сгусток материи, который плывет, вернее, несется, в пустоте, вызывал зримый образ того, как, земной шар, тоже плывет – вернее, несется – во мраке вселенной. Кажется, я говорил о жизни и смерти в общем виде; и мы оба были взволнованы, потому что еще никогда не видели такого полного затмения Луны, даже я не видел; и впервые у меня возникло тревожное чувство, что девушка, которую я до сих пор считал ребенком, в меня влюблена. Во всяком случае, в ту ночь, когда мы вернулись в гостиницу, простояв на набережной Роны до тех пор, пока не начали дрожать от холода, она сама пришла ко мне в номер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.